

Хаванова О. В.

ВЕРМЕШ Г. В ВИХРЕ КУЛЬТУРНЫХ ПЕРЕМЕН. ВЕНГРИЯ МЕЖДУ 1711 и 1848 гг.

Havanova O. V.

VERMES G. IN MAELSTROM OF CULTURAL CHANGES. HUNGARY BETWEEN 1711 AND 1848.

Американский историк венгерского происхождения Габор Вермеш (он эмигрировал после революции 1956 г.) прежде всего известен как автор блестящего биографического исследования о венгерском премьер-министре Иштване Тисе (1861–1918). Книга, вышедшая в 1985 г. на английском языке в США, была переведена на венгерский и выдержала на родине автора два издания. В начале 90-х годов прошлого века внимание ученого привлек к себе более ранний полуторавековой период между заключением Сатмарского мира (1711 г.), ознаменовавшего прекращение вооруженной борьбы венгров против Габсбургов, и революцией 1848 г., когда непримиримые противоречия между страной и династией вновь вылились в кровопролитный конфликт. Как и первая монография Вермеша, новая книга была изначально написана на английском и затем переведена на венгерский язык Ю. Зиннер под общей научной редакцией знатока эпохи И. Шооша. Издание в 2011 г. венгерского перевода существенно опередило подготовку к печати английского оригинала, выход в свет которого планируется в недалеком будущем.

Венгерский или искушенный в венгерской истории читатель найдет в книге много сведений общего характера, хорошо известных специалистам. Однако живой язык, тщательно и бережно отобранные цитаты из источников делают изложение многих хрестоматийных сюжетов занимательным. Вермеш может служить примером того, как ученый, живущий за тысячи миль от изучаемой страны и не имеющий возможности неспешно и кропотливо трудиться в национальных архивах, способен во всей полноте

использовать опубликованные источники, старую и новую историографию. В списке литературы в конце тома нашлось место для протоколов и дневников государственных собраний, памфлетов и публицистики, путевых заметок и прессы.

Несомненным достоинством книги также является стремление автора анализировать национальную историю в категориях и методологии, применяемых современными историками, антропологами, социальными психологами к другим странам и культурам. Многолетний опыт преподавания в американских университетах научил Вермеша легко переходить от историко-антропологических обобщений П. Бёрка к наблюдениям из венгерской истории, сделанным Д. Кошари, М. Чаки или А. Мишкольци. Это замыкает узкие рамки сугубо национального подхода к прошлому, позволяет представить «вихрь культурных перемен», охвативших Венгрию, в контексте типологически сходных явлений.

Во введении Вермеш сам называет образец, которому стремился подражать – книгу британца Тима Блэннинга «Культура власти и власть культуры. Европа старого порядка, 1600–1789». В ней автор исследует зарождение и распространение публичной сферы – не подвластной государству формы самоорганизации индивидов, собравшихся вместе в добровольном стремлении к обмену идеями. Авторитет властителей дум не имел ничего общего с сословным статусом. Общество, которое вскоре начнут именовать гражданским, само выбирало тех, кому верило и к кому прислушивалось. Подобно Блэннингу, Вермеш исследует процесс зарождения публичной сферы

в феодальной Венгрии, пытается понять механизмы выражения и распространения господствующих идей XIX в. – либерализма и национализма.

На протяжении всей книги автор – чуткий диагност общественных настроений – отслеживает, как буржуазно-либеральные принципы сначала робко и непоследовательно, затем все более осознанно и отчетливо звучали в высказываниях, суждениях, программах общественных деятелей XIX в. Некоторым главам книги автор дал яркие, даже хлесткие заголовки. Так, период между 1711 г. и первыми признаками укоренения в стране идей европейского Просвещения и культурной открытости в конце века он описал в главе «Радости и горести топтания на месте». В первые два десятилетия XIX в., по его словам, происходит «Медленная эрозия традиционализма» (Гл. 4), а затем начинается движение «Нетвердой поступью к реформам» (Гл. 5), где в конце пути – не прорыв, но складывание (всего лишь) либеральной «субкультуры».

Автор констатирует, что у подлинно либеральной системы взглядов не было и не могло быть в феодальной Венгрии широкой социальной базы. С одной стороны, в ходе оживленных, порой непримиримых и ожесточенных дискуссий о путях реформ в 30–40-е годы XIX в. «энергия, направляемая на преобразование общества» – приняв поначалу облик культурного национализма с его преимущественным вниманием к языку, литературе, театру – включила в свою орбиту социальные отношения, политические институты, экономические механизмы. С другой стороны, необходимость защищать государственную автономию королевства от централизаторских усилий Вены побуждала как «ультраконсервативное» большинство, так и проникнутое идеями свободы меньшинство апеллировать к такому памятнику сословной правовой культуры, «альфе и омеге» дворянской исключительности, как «Трипартитум» И. Вербёци – частной кодификации права, приобретшей обязательную силу посредством практики применения обычая. Большинство фигур

«эпохи реформ» (за исключением молодого поколения дворян, чей политический идеализм был следствием художественно-философского влияния романтизма) во второй четверти XIX в. принадлежали к обоим лагерям: жаждали духовного обновления, общественных преобразований, но не позволяли трогать сословную «конституцию» (совокупность основополагающих законов королевства), цементирующую социальное неравенство.

Интеллектуал либеральных убеждений, Вермеш вольно или невольно рассматривает общество «старого порядка» через буржуазно-либеральную призму. С одной стороны, он декларировал необходимость «понять обладающий великой силой сословный менталитет с точки зрения эпохи, окружения, тогдашней иерархии ценностей, так чтобы не идеализировать его и не очернять» [1, с. 66]. С другой стороны, у читателя не остается сомнений, что автору глубоко чужд социальный уклад старой Венгрии, где дворянство не просто провозглашало себя нацией, но и фактически монополизировало сословное полноправие (здесь автор выступает единомышленником историка права Ласло Петера, который после 1956 г. покинул Венгрию и преподавал в Лондонском университете). Примечательно, что очерк о социальной структуре Венгрии он начинает не с вершины – дворянства, а с крестьянства, трудом которого создавалось материальное благосостояние общества.

Беспристрастность покидает Вермеша в пассажах, подобных этому: «Влияние мелкого дворянства в период с 1750 по 1848 гг., несомненно, возросло, так что в XVIII в. лишь единицы могли представить, что Венгрию ждет подлинно демократическое будущее» [1, с. 38]. Или в другом месте: «Реформу образования в Венгрии характеризовали мелкие победы и гораздо более глубокие разочарования, ибо чего могут добиться реформы в стране, где глубокая экономическая отсталость сочетается с высококоразвитой социальной спесью и чувством социального превосходства у дворянства» [1, с. 44]. И это о самой успешной, по мне-

нию историков, реформе Марии Терезии – учебном плане «Ratio educationis», провозгласившем (пусть отчасти декларативно) принцип обязательности и бесплатности начального образования на одном из семи распространенных в королевстве языках.

Интересно видение Вермешем венгерского национализма, который – за его мощнейшее каталитическое воздействие на политическую мобилизацию общества, формирование современного языка, культурную консолидацию – в историографии нередко принято идеализировать. Автор с сожалением отмечает, что «национализм связал общество, но не уничтожил ни культурных, ни социальных границ». Более того, века борьбы с Габсбургами и османами оставили на нем неизгладимый след. Национализм объединил в себе, с одной стороны, пораженчество и предчувствие катастрофы, с другой – героизм и необоримую жизненную силу. Страх перед явными и мнимыми угрозами (со стороны сербов или румын) породил тезис о превосходстве мадьяр над

другими народами королевства и, как следствие, дискриминационные меры в их отношении всякий раз, когда правящая элита страны испытывала страх перед расширением сферы влияния России на Балканах. Героическое начало в национализме выродилось в самолюбование и воспевание собственной исключительности, запечатленное в памятниках эпохи Миллениума – празднования тысячелетия прихода мадьяр в бассейн Карпат, пришедшегося на конец XIX в.

Вермеш – не первый венгерский интеллектуал, кто в полемических эссе перебирает мост между прошлым и днем сегодняшним. В новой книге он всматривается в один из самых светлых, полных надежд периодов венгерской истории. Историк предлагает заимствовать там примеры для подражания и черпать веру в то, что будущее страны не высечено раз и навсегда резцом по камню, но находится в руках поколений, способных, оглядываясь на достойных подражания предков, менять судьбы нации к лучшему.

Литература

1. Vermes G. *Kulturális változások sodrában. Magyarország 1711 és 1848 között. Bp., 2011. 289. old.*